АЛЕКСАНДР ПУТИЛОВ

СЫН МОРЯ

ЗАПИСКИ КАПИТАНА

Документально-художественные

воспоминания

2026

Путилов Александр

Сын моря. Записки капитана

https://litres.ru/75009524
SelfPub; 2026

Аннотация

«Сын моря» — воспоминания капитана, чья жизнь с детства связана с морем. Путь начинается в Батуми и проходит через мореходное училище, торговый флот, танкеры и офшорную работу на Каспии и в Персидском заливе. В книге — дальние рейсы, штормы, лёд, непростые буксировки и люди разных стран. Рядом с морскими историями — семейная: разлуки, возвращения и те, кто ждёт на берегу. Спустя полвека старая запись матери, сделанная для отца, соединяет начало и конец этой истории.

Содержание

Оглавление 5
От автора 9
Пролог. Утро после шторма 10
Часть I. Берег детства 12
Хлеб, соль и море 17
Барсик 19
Школа, баскетбол и друзья 22
Отец. Одна ночь в тумане 32
Сухуми. Первый настоящий корабль 39
Часть II. Новороссийск 44
Поступление и «плафоны» 49
Мамин карандаш 67
Новороссийск. Фотоархив 74
Первое море. «Профессор Миняев» 75
Учёба, город и самостоятельность 79
Курсантский фольклор 82
Экзамен, супергетеродин и навигация 83
Три дня норд-оста 87
Таня и экзамен у начальника училища 94
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Путилов Александр
Сын моря.
Записки капитана

СЫН МОРЯ
ЗАПИСКИ КАПИТАНА
Александр Путилов

Оглавление

От автора 7
Пролог. Утро после шторма 7
Часть I. Берег детства 9
Хлеб, соль и море 12
Барсик 14
Школа, баскетбол и друзья 17
Отец. Одна ночь в тумане 27
Сухуми. Первый настоящий корабль 33
Часть II. Новороссийск 38
Поступление и «плафоны» 42
Мамин карандаш 57
Новороссийск. Фотоархив 64
Первое море. «Профессор Миняев» 64
Учёба, город и самостоятельность 67
Курсантский фольклор 70
Экзамен, супергетеродин и навигация 71
Три дня норд-оста 74
Таня и экзамен у начальника училища 80
Курсантская роща. Грузинский чай 84
Практика на танкере «Гори» 87
Диплом. Солнце и Луна 92
Распределение 94
Бурса. Двадцать лет спустя 96

Часть III. Грузинское морское пароходство 102
Отец и первая посадка 102
«Академик Узнадзе» 108
Фамилия, знакомая морю 117
Америка 122
Жена электромеханика 125
Председатель профкома 128
Страна меняется 134
Негласная работа 136
История деда 139
Школа торговли 141
Помполит 144
«Нодар Думбадзе» 148
Рейс, в котором хватило всего 152
Когда исчезает берег 166
Часть IV. «Санта-Барбара» 173
Механики и капитаны 176
На одной волне 179
Любимый анекдот Юры 189
Часть V. Берег не получился 191
«VEMAOIL XXXV». Дорога в Гибралтар 192
Танкер, который никуда не ходил 194
Жизнь на якоре 195
Три человека, которые ехали в Канаду 197
Казино 199
Русские книги и большая рыба 200

Люди одного экипажа 202
Возвращение через Лондон 202
Море принимает обратно 203
Переход в офшор 205
Медкомиссия 206
Роттердам. Офшорные курсы 210
Перегон «Куланборга» 212
Посадос и нож 214
Часть VI. Кашаган 215
Голландские капитаны 217
Острова и «Сункар» 219
Первая зима 220
Капитан 223
Green Door 228
Браконьеры и чёрная икра 231
Двое в январском море 232
Ещё одна ледовая ловушка 234
Школа капитанов 236
Двадцать лет проекта 241
Дорога как продолжение моря 251
Van Oord. Канал 254
Из Каспия — в Персидский залив 256
Буксир «Зара» 259
Филиппинский экипаж 261
Аль-Хейл, Гаша и характер начальников 265
Линия на Рас-эль-Хайму 267

Новая компания — старое судно 270
Подписи и топливо 273
Когда исчез спутниковый сигнал 276
В сторону берега 283
От моря к морю 283
Семья 283
Дом у моря 286
Лето Никиты 287
Море и солёные озёра 288
Два урока 289
Закрытая страница 291
Снова Батуми 292
Эпилог 294
Весточка с моря 294
Словарь морских терминов 300
Международные сокращения и выражения 302

От автора

Эта книга — не история торгового флота и не перечень судов, на которых мне довелось работать. Это воспоминания о людях и событиях, которые остались в памяти: о Батуми, мореходном училище в Новороссийске, Грузинском морском пароходстве, танкерах, Каспии и Персидском заливе.

Я записываю то, что помню. Не каждую дату теперь можно восстановить, да и не она здесь главное. Важнее рассказать, какими были люди рядом, что происходило в рейсах и чему меня научила морская работа.

Эта книга — для детей и внуков, друзей и товарищей по морю. Хочется, чтобы за названиями судов и должностями они увидели обычную человеческую жизнь: с ошибками и потерями, радостью встреч и долгими разлуками.

Пролог. Утро после шторма

После ночного шторма наступил штиль. Проснулся — и сначала даже не поверил: море почти не шевелилось. Ещё несколько часов назад нас основательно качало. Экипаж опытный, но качку каждый переносит по-своему. Я за долгие годы в море так до конца к ней и не привык.

Ночью меняли курс, старались идти так, чтобы судно меньше раскачивало. Теперь всё стихло. Скоро приход в порт, пора готовиться. Мы шли к Рас-эль-Хайме, недалеко от Ормузского пролива. Район мне знакомый, движение здесь плотное, поэтому даже в хорошую погоду расслабляться нельзя.

И вдруг рядом появился танкер. Я его не ожидал. На экране AIS — системы, позволяющей видеть находящиеся поблизости суда, — его не было. А совсем рядом прошёл огромный нефтяной танкер класса VLCC, способный перевозить сотни тысяч тонн нефти. Я смотрел на него с мостика и никак не мог понять, почему такое судно идёт без опознавания.

Название на борту было закрашено чёрной краской. На палубе я не заметил ни одного человека.

По осадке можно было предположить, что в танках находилось около двухсот тысяч тонн нефти.

Танкер направлялся к выходу из Ормузского пролива. Я

провожал его взглядом и думал: отчаянные ребята. Район неспокойный. Надо хорошо понимать, на какой риск идёшь, чтобы выходить здесь в море так. Куда он шёл и что с ним было дальше, я не знаю. Просто запомнил ту встречу: утренний штиль, тяжёлый танкер с закрашенным названием и пустой экран AIS. Много лет назад, когда я впервые надел курсантскую форму, представить такую картину не мог.

А тогда всё только начиналось.

Часть I. Берег детства

Море начиналось почти у самого порога. От дома до него было минут пять пешком, и для нас пойти на пляж означало примерно то же самое, что выйти во двор поиграть в футбол. Мы не собирались на море как в путешествие, не готовились к нему неделями. Просто шли — туда, где кончались улицы и начиналась вода.

Конечно, когда мы были маленькими, родители старались одних не отпускать. Нужно было, чтобы рядом оказался кто-нибудь постарше. И это было правильно: близость моря не делала его безопасным. Но по мере того как мы взрослели, берег становился нашим вторым двором. Там проходили летние дни, там мы учились плавать, нырять, рыбачить и отвечать за себя. Тогда я ещё не знал, сколько впереди будет рейсов, портов, ночных вахт и чужих берегов. Я просто запоминал запах моря по утрам и то, как меняется вода к вечеру.

Старый Батуми.

Современный Батуми.

В семье море уже было: отец — моряк, мама — архитектор. От неё, наверное, осталось внимание к тому, как устроено пространство, от отца — ощущение, что за горизонтом обязательно есть продолжение. В детстве я ещё не формулировал это так. Просто знал: хочу в море.

Батуми тех лет вспоминается зелёным и солнечным. Во дворах говорили по-русски и по-грузински, рядом росли грузины, армяне, русские. Мы не делили друг друга по национальности. В детских играх могли назначить одну команду

«Красной армией», другую — «немцами», но это оставалось игрой. Через десять минут все снова вместе гоняли мяч. Теперь, приезжая в Батуми, я иногда не узнаю его. Высотные гостиницы, стекло, новые улицы. Город стал другим, и это естественно. Но Батуми моего детства остался в памяти — невысоким, тёплым, с дворами, в которых прошли школьные годы.

Старый Батуми сегодня.

Хлеб, соль и море

В памяти прежде всего остались детали: тяжёлые облака над горами, влажный воздух, внезапный дождь и такой же внезапный просвет. Возле порта пахло рыбой. Тогда мы не думали, что будем вспоминать всё это с такой ясностью. Погода и запахи были привычной частью дня — как дорога в школу или голоса во дворе.

Ещё одна примета тех лет — наши нехитрые обеды на берегу. Для них не требовалось ни кухни, ни настоящей посуды: обходились тем, что находили под рукой. На еду уходили копейки, а готовили мы сами.

Хлеб за десять копеек покупали по дороге, соль брали из дома, а мидии — со старых свай. Мы ныряли за ними, разводили огонь, находили кусок железа и готовили на нём свой улов. Несколько минут — и обед был готов.

Сегодня это звучит почти как отдельное приключение. Тогда ничего необычного в этом не было. Родители не думали, чем нас кормить днём: мы сами находили себе занятие и еду. В этом было чувство свободы, которое трудно объяснить человеку, выросшему в другой эпохе.

Старый Батуми: судно у городской набережной.

Однажды сестра упала в море. Её вытащили, одежду потом сушили у Вечного огня. Сейчас такие эпизоды вспоминаются с холодком: понимаешь, насколько всё могло повернуться иначе. Но детство не умеет долго бояться. Через какое-то время мы снова были у воды.

Рыбалка появилась тогда же. Волнорезы, удочки, ожидание поклёвки — всё это было не хобби, а частью жизни. Я ещё не знал, что спустя десятилетия буду ловить рыбу с кормы огромного танкера у Гибралтара, но, наверное, та рыбалка началась именно здесь.

Барсик

У друга Мишки отец был профессиональным фотографом. Дома у него стоял восьмимиллиметровый кинопроектор — без звуковой дорожки, зато с настоящими мультфильмами. Помню «Ну, погоди!», помню «Шпионские страсти». Вечером во дворе натягивали большую белую простыню, настраивали проектор, и на этот импровизированный киносеанс сбегались дети не только из нашего дома, но и из соседних дворов. Сейчас трудно представить, сколько радости могли дать несколько бобин плёнки и белая простыня на стене.

Во время одного такого просмотра возле меня появился кот. Откуда пришёл — никто не знал. Это был уже не котёнок, а молодой, очень ухоженный кот. Один вечер крутился рядом, второй, третий. На третий раз я взял его домой. Маму долго уговаривать не пришлось. Так у нас появился Барсик.

Кот оказался почти идеальным жильцом. В туалет ходил только на улицу и терпел до последнего. Однажды мы задержались у гостей и вернулись лишь на следующий день. Стоило открыть дверь — Барсик пулей вылетел наружу. Сделать это дома для него словно было недопустимо.

Ко мне он относился особенно. Если видел меня во дворе, сразу прибегал, карабкался по одежде, устраивался на плече и начинал мурлыкать прямо возле уха. При этом характер у

него был боевой. У соседа была овчарка, которую серьёзно дрессировали как сторожевую собаку. Но после нескольких встреч с Барсиком собака стала выходить во двор осторожно: выглянет, осмотрится — и быстро обратно. Сосед однажды пожаловался:

— После твоего кота у моей собаки нос всё время поцарапан.

Ничего не поделаешь — природа.

Свою благодарность Барсик понимал тоже по-кошачьи. Иногда приносил с улицы маленьких полевых мышей — ещё живых или полуживых — и торжественно оставлял дома. Видимо, считал, что раз его здесь хорошо кормят, он тоже обязан участвовать в снабжении семьи. Из обычной еды любил мойву, которая тогда стоила копейки, ливерную колбасу и баклажанную икру. А когда я возвращался с рыбалки с мелкими бычками, для него наступал настоящий праздник.

Однажды классная руководительница обмолвилась, что у неё дома появились мыши. Она жила над продуктовым магазином, и проблема была вполне реальная. Барсика отправили в командировку. Примерно месяц он прожил у неё — и мыши исчезли. Получалось, что у нашего кота появилась почти официальная работа.

Самая памятная история произошла ночью. Мы жили на четвёртом этаже. Мама к тому времени уже умерла, отец спал в спальне, я — в зале. Барсик ушёл гулять. Слышу мяуканье. Отец говорит: «Кот пришёл, открой дверь». Открыл

— никого. Закрыл — мяуканье продолжается. Подошли к окну и увидели его почти на уровне нашего этажа: Барсик забрался по тополю, который рос вплотную к дому, и теперь сидел на ветке и орал прямо в окно.

Было около двух часов ночи. У соседа в сарае нашли две лестницы, связали их между собой. Я полез наверх, стараясь вниз не смотреть. Добрался до Барсика, взял его — и он от страха так впился в меня когтями, что уже самому хотелось кричать. Но спасательная операция без участия пожарных закончилась успешно. Спустились оба.

Позже у Барсика появился ещё один объект постоянного интереса — волнистый попугай Сёма: отец поймал его в Сухуми, а я привёз домой. Для нас Сёма был членом семьи, а Барсик смотрел на него совсем иначе — как на блюдо, которое почему-то держат в клетке и запрещают трогать. С природой спорить трудно.

Барсик сам меня нашёл и выбрал. Когда я уехал в Новороссийск, через год он пропал. Никто так и не узнал, куда он делся. У каждого в жизни был свой кот. В моей жизни был Барсик.

Школа, баскетбол и друзья

В детстве мы много времени проводили во дворе: сами придумывали занятия, спорили, мирились, собирались компаниями. Если договорились встретиться — надо было прийти. Класс считался не самым сильным по учёбе, зато был дружным. У нас было два отличника — я и мой товарищ по парте. На контрольных мы работали по отлаженной системе: мне доставался вариант «А», ему — вариант «Б». Остальные терпеливо ждали, пока мы справимся с задачами. Потом ответы расходились по классу.

Так продолжалось, пока однажды я не ошибся в задании. Неправильно написала половина класса, которой достался мой вариант «А». Зато ребята с вариантом «Б» справились успешно.

Вот тогда мне и досталось. Учительница вызвала меня к доске и стала разбирать ошибки. В сердцах слегка потаскала меня за ухо. Стоять перед классом, когда из-за тебя столько ребят написали неправильно, было неприятно. Другая половина класса смотрела на меня. Сочувствовали они или считали, что получил я заслуженно, теперь уже не узнать.

На преподавательницу я нисколько не обижался. Она много с нами занималась. К тому времени я уже дополнительно готовился к урокам, и она это замечала: когда появлялись трудные задачи, часто вызывала к доске именно ме-

ня. Позади меня сидел Роберт. В классе было всего восемнадцать человек, и мы хорошо знали характер каждого.

Позже многие ребята получили хорошее образование. По моим прикидкам, около шестидесяти процентов окончили вузы, причём серьёзные.

Мы и сейчас поддерживаем связь. Если кто-то уходит из жизни, мы созваниваемся, стараемся увидеться, поддержать друг друга.

Кроме уроков и спортивных занятий у нас были и общешкольные соревнования. К 22 апреля обычно устраивали субботники, сбор макулатуры и металлолома. Классы соревновались между собой: кто соберёт больше, тот и побеждал. Награда была серьёзная — школа выделяла деньги на цветной телевизор для класса. Ради такого приза мы были готовы обойти весь район.

Обходили соседей, заглядывали к знакомым бабушкам. Те знали, что у школьников скоро сбор, и заранее аккуратно складывали старые газеты. Мы забирали стопки и тащили их в школу. По свалкам тоже бегали — искали металлолом, любые подходящие железяки. Иногда доходило до смешного: ночью металл перекладывали из одной кучи в другую, чтобы своя выглядела внушительнее. Каждый хотел внести хоть что-то в победу класса.

Но у нашего класса было преимущество, с которым другим соперничать оказывалось бесполезно. У одного одноклассника отец работал в типографии. Там скапливалось

много бумажных отходов, которые всё равно предстояло вывозить. Отец договаривался, и к нам во двор приезжала небольшая машина, полная типографской макулатуры. Пока другие приносили газеты пачками, мы получали сразу целый грузовик. По количеству собранной бумаги у нас выходил огромный перевес.

Насколько помню, так мы раза два или три выигрывали цветной телевизор. Товарищу, благодаря которому появлялась машина макулатуры, были особенно благодарны. Но победе радовался весь класс.

Наш класс был ещё и спортивным. Физрук у нас особенно любил баскетбол. В школе было две площадки: одна в зале, другая на улице. Играть могли почти в любое свободное время, и постепенно баскетбол стал для нас главным видом спорта.

К восьмому классу у нас сложилась крепкая команда. Играли я, Юра, Робик, Коля и другие наши ребята. Коля выделялся сразу: высокий, он уже серьёзно занимался баскетболом и под кольцом чувствовал себя хозяином. Казалось, любой мяч, летевший к щиту, оказывался у него в руках. Хватало и разыгрывающих. Всего у нас набиралось человек десять — можно было делать замены и проводить полный матч.

Однажды физрук решил организовать чемпионат школы. Заявились команды восьмых, девятых и десятых классов, в том числе из разных «А» и «Б». Вывесили турнирную таблицу, начались матчи. Нам, восьмиклассникам, никто осо-

бенных шансов не давал. Рядом были старшие ребята, выше и сильнее. А мы выиграли один матч, второй, добрались до решающих встреч — и заняли первое место.

Помню, как шумела тогда вся школа. Болельщики кричали, поддерживали своих, переживали каждую атаку. Когда мы победили, удивились, кажется, все: восьмой класс обыграл старших! А мы ходили совершенно счастливые. После той победы ещё больше времени отдавали баскетболу.

На следующий год, уже в девятом классе, снова прошёл школьный чемпионат. Состав почти не изменился, зато опыта прибавилось. Мы лучше понимали друг друга — и снова выиграли. В десятом классе выходили на площадку уже с уверенностью, что способны победить. Коля по-прежнему держал игру под кольцом, остальные знали, кому отдать пас и когда подстраховать. Третий год подряд мы стали чемпионами школы.

После этого нас отправили на городской чемпионат. Сборная школы состояла фактически из одних ребят нашего класса. Один выездной матч я помню особенно хорошо: мы проиграли. Было обидно. Но соперники оказались подготовленнее: у них больше игроков занимались баскетболом всерьёз. У нас таким был, пожалуй, только Коля. Тогда мы впервые почувствовали разницу между школьными победами и соревнованиями городского уровня.

Три школьных чемпионства запомнились надолго: наши ребята, Коля под кольцом, шум болельщиков и радость об-

щей победы.

Спортивных секций тогда было много, и занимались мы бесплатно. Я плавал, пробовал борьбу и другие виды спорта. Юра увлекался греблей. Маму я чаще просто ставил в известность: теперь, мол, занимаюсь ещё и там. Однажды к нам в класс пришла женщина — тренер по большому теннису. Рассказала о занятиях и стала спрашивать, кто хочет записаться. Вызвались двое: Ира и Роберт, которого мы звали Робиком. Меня это даже немного удивило. Большой теннис казался каким-то особенным видом спорта, а тут наш Робик решил попробовать.

Поначалу это выглядело обычным школьным увлечением. Но Робик не бросил тренировки. Он участвовал в соревнованиях, выступал за «Спартак», в какой-то период был чемпионом в своей юношеской категории. За спортивные успехи его даже освобождали от экзаменов. Я искренне радовался за него.

Потом мы окончили школу, разъехались, и у каждого началась своя жизнь. Робик переехал в Москву, пробовал заниматься торговлей, продажами, производством — искал себя в разных делах, но особого успеха они не приносили. И однажды кто-то предложил ему снова попробовать теннис, на этот раз уже как работу.

Он прошёл курсы, оформил нужные документы и получил тренерскую квалификацию. Стал заниматься с детьми и взрослыми, вместе с партнёром арендовал корт. Постепен-

но появились ученики, постоянная работа. Дело пошло настолько хорошо, что Робик сумел выучить детей и устроить свою жизнь. Со временем дети тоже занялись тренерской работой, а он передал им свой опыт и профессиональные связи. Сам же решил вернуться в Батуми.

Недавно мы встретились с ним в родном городе. Разговорились о школе, и я вспомнил ту самую женщину-тренера, которая когда-то пришла к нам в класс. И вдруг Робик рассмеялся: «Сашка, а хочешь узнать, как всё было на самом деле?»

Оказывается, в тот день он понятия не имел, что такое большой теннис. Во дворе ему нравилось играть в настольный теннис, держать маленькую ракетку, перебрасывать шарик через сетку. И когда в классе предложили записаться на теннис, он был уверен, что речь именно об этой игре.

На первое занятие пришёл спокойно, а там — огромный корт, большая ракетка, совершенно другие правила. Робик растерялся: он даже не представлял, что с этой ракеткой делать.

Но не развернулся и не ушёл. Остался, начал учиться. А потом появились соревнования, первые победы и целая жизнь, связанная с теннисом.

Особенно любил я уроки труда. Нас учили обращаться с инструментом, понимать материал, не бояться работы руками. Многое из этого пригодилось мне позднее, в том числе в море. Наверное, оттуда же вырос интерес к станции юных

техников и автомоделизму.

В девятом классе к нам пришла новая девочка. Красивая, заметная — за ней сразу начали бегать многие. Недолго был среди них и я. Потом прошло. Последним из наших друзей с ней был Юра. У них всё было серьёзнее, и расстались они болезненно. На выпускной она не пришла, аттестат за неё забрал отец.

У меня была другая история. Девочка, с которой мы фактически выросли вместе, каждое лето приезжала к соседу-дедушке. Мы знали друг друга столько, сколько себя помнили. Совсем немного не хватило, чтобы мы поженились. Иногда думаю: возможно, зря этого не случилось.

Особое место занимал Юра. После школы мы вместе поступили в морскую академию. Я стал судоводителем, он — радистом. Позже судьба свела нас на одном судне: я на мостике, он в радиорубке.

Ещё в девятом классе Юра записался в клуб радиолюбителей и звал меня с собой. Я пришёл один раз, но времени не хватало. Юра продолжал заниматься, а позже показывал мне QSL-открытки — подтверждения радиосвязей с разными странами.

Мама тоже чувствовала мою тягу к морю и однажды предложила попробовать яхт-клуб. У её подруги сын уже занимался там и был очень доволен. Когда я пришёл, мне достался старый «Оптимист». Прежде чем выйти на воду, лодку нужно было зачистить, зашпаклевать и покрасить. Этим я

занимался почти месяц, а моря за это время почти не видел.

Первый настоящий выход получился раньше: парень, который привёл меня в клуб, взял меня на двухместный «Кадет». Был лёгкий бриз, море спокойное, и всё прошло в удовольствие.

Когда мой «Оптимист» был готов, оказалось, что управлять им довольно легко — как раз то, что нужно для первых азов яхтинга. Мне понравилось, но времени уже не хватало: репетиторы, занятия, плавание, тренер просил не бросать бассейн. Яхтсменом я тогда не стал, зато ещё раз убедился: море меня действительно тянет.

Станция юных техников стала для меня отдельной школой. Наш руководитель был человеком скрупулёзным, опытным и при этом очень человечным. Он учил нас работать на токарных станках, вытачивать детали, выпиливать, подгонять, не торопиться там, где от миллиметра зависел результат. На занятия мы ходили с удовольствием. Нас было всего человек пять-шесть, и каждый чувствовал себя участником настоящего технического дела.

Если говорить честно, процентов тридцать-сорок работы над моделями мы выполняли сами. Остальное шло под его чутким руководством, а какие-то особенно сложные операции, возможно, он и вовсе делал собственными руками. Но он никогда не отнимал у нас ощущения, что модель — наша. Наоборот, заставлял понимать, почему деталь должна стоять именно так, как работает механизм, и что произойдёт, если

сделать кое-как.

Главной моей моделью стал радиоуправляемый ГАЗ-66, который мы строили почти с нуля по чертежам из «Моделиста-конструктора». Пульт управления собирали и устанавливали сами. Даже аккумуляторы тогда были отдельной проблемой: подходящие было трудно достать, в конце концов нашли щелочные. Они работали, но была и обратная сторона — машина стала тяжёлой. Модель выглядела серьёзно, была технически насыщенной, но лишний вес потом сыграл свою роль на трассе.

К республиканским соревнованиям в Тбилиси готовились как к настоящему экзамену. Станция выделила деньги на дорогу, питание и гостиницу. Сначала проходил технический осмотр: оценивали соответствие модели схеме, внешний вид, количество и работу движущихся деталей. Здесь мой ГАЗ-66 набрал максимальное количество очков. Для меня это было главным подтверждением: всё, что мы месяцами собирали и переделывали, действительно получилось.

На следующий день начались ходовые соревнования. На асфальте была размечена серпантинная трасса, которую нужно было пройти несколько кругов на время. И тут выяснилось, что соперничать придётся не совсем на равных. Команды из Тбилиси и Дворца пионеров в Батуми выставили лёгкие легковые модели заводской европейской сборки. По скорости они были несопоставимы с моим тяжёлым ГАЗ-66: пока я проходил круг, они успевали закончить дистанцию.

Самое неприятное было даже не в проигрыше. В положении соревнований было записано, что модель должна быть изготовлена своими руками. Наш руководитель прекрасно это знал и очень тяжело воспринял увиденное. Вечером он сказал:

— Я это так не оставлю, — и пошёл разбираться.

В тот вечер он не вернулся. Не появился и к началу награждения на следующий день. Мне вручили грамоту за третье место, а первое и второе места заняли те самые быстрые заводские модели.

Позже руководитель появился. Как выяснилось, разговор с организаторами продолжился за столом; его уговорили не поднимать спор дальше. Осталась горчинка, но к нему самому претензий не было: он попытался отстоять нас, насколько смог.

За участие в республиканских соревнованиях меня освободили от части школьных экзаменов. Для девятиклассника это было вполне достаточной наградой. Но главным воспоминанием остался ГАЗ-66 — модель, за которую я отвечал собственными руками.

Отец. Одна ночь в тумане

Отец принадлежал к поколению моряков, для которых море было прежде всего работой. Тяжёлой, порой опасной, требовавшей дисциплины и ответственности. Дома он редко говорил о службе. Я больше запоминал, как он собирался в рейс, как возвращался и как относился к своему делу.

В детстве я не задумывался, насколько сильно отец на меня влияет. Он ходил на больших океанских траулерах, дома бывал нечасто, но старался делать для семьи всё, что мог. Я ещё не знал, каким станет мой собственный путь, однако был уверен: тоже буду моряком.

Траулер в море. Память об отце и первых морских впечатлениях.

В 1973 году произошло несчастье, изменившее жизнь всей нашей семьи. Отец служил старшим помощником капитана на БМРТ «Кобулети». Неподалёку от островов Зелёного Мыса, в густом тумане, траулер столкнулся с другим рыболовным судном — «Ахиллионом». На мостике вместе с отцом находился четвёртый помощник.

Спустя десятилетия, уже сам став капитаном, я не раз возвращался мыслями к той ночи. Отец рассказывал, что считал расхождение судов безопасным, но в последний момент на мостик поднялся капитан Дмитриев и вмешался в управ-

ление. По мнению отца, последовавшие изменения скорости и манёвра оказались роковыми. Это его воспоминания; меня тогда на судне не было, и судить о действиях людей той ночью я не берусь.

Удар пришёлся в правый борт «Кобулети». Примерно через полтора часа большой морозильный траулер затонул. К счастью, экипаж спасся: поблизости находились другие суда, и моряков подобрали. Позже их доставили на берег, затем в Испанию. Известие, что отец жив, было для нашей семьи огромным облегчением. Но последствия катастрофы ещё только начинались.

Мне тогда было восемь лет. Я не понимал всех обстоятельств столкновения, зато отчётливо чувствовал серьёзность случившегося. Маме сообщили о гибели судна, и потянулись дни ожидания: мы ждали, когда отец вернётся домой.

Многое из той поры стёрлось из памяти. Не помню точно, где он находился и как развивались события сразу после спасения. Зато отдельные картины сохранились так ясно, будто прошли не десятилетия, а несколько дней.

Началось следствие, затем суд. Мама хлопотала, нашла адвоката в Москве, старалась помочь отцу. Здание суда находилось недалеко от нашего дома, и иногда она брала меня с собой. Я видел отца, слушал защитника, запомнил прокурора — тот жил в соседнем доме. До этого он был для меня просто знакомым взрослым с нашей улицы. В зале суда его слова звучали совсем иначе.

Я сидел рядом с мамой и следил за выступлениями. Взрослые приводили доводы, спорили, произносили слова, смысл которых был мне непонятен. Я пытался уловить, в чью пользу идёт дело, но по их лицам и интонациям ничего не мог определить. Одно я понимал: решалась судьба отца. Когда вынесли приговор, отцу назначили срок заключения. Насколько помню, был осуждён и старший помощник другого судна — фамилия Хроник осталась у меня в памяти.

Само судебное решение я помню смутно. А вот прощание перед отправкой отца запомнил до мельчайших подробностей. Его должны были увезти поездом, и нам разрешили передать вещи. Мама купила рюкзак и вшила деньги в один из ремней, чтобы посторонние их не заметили. Но нужно было как-то дать отцу знать, где их искать.

Я учился в четвёртом классе и только начинал осваивать английский. Мама предложила:

— Попробуй сказать папе по-английски, что деньги в ремне.

Казалось, так нас никто не поймёт. И вот я стою у вагона и изо всех сил кричу: «Belt! Belt! Belt!» — «Ремень! Ремень!» Других английских слов, которые могли бы помочь, я тогда почти не знал. Этот крик до сих пор слышу так же отчётливо, как слышал его собственным голосом в тот день.

В вагоне было много заключённых. Почти все коротко острижены, лица похожи друг на друга. Теперь я даже не уверен, что разговаривал именно с отцом: возможно, видел его,

а возможно, лишь надеялся, что он рядом и услышит меня. Не знаю и того, понял ли он, о каком ремне я кричал. Запомнилось другое — отчаянное желание помочь ему хоть чем-нибудь и поезд, который должен был увезти его от нас.

Потом мы с мамой ездили к отцу. Сначала в Сагареджо, позже в Рустави, где он работал на кирпичном заводе. От поездок остались обрывки воспоминаний: дорога, ожидание, чужие помещения. Особенно хорошо помню Рустави. Нас поселили в общежитии, где мы провели две ночи. Мама встречалась с отцом. Ради таких коротких свиданий мы ехали далеко, потому что другой возможности увидеть его не было.

Все три с половиной года, пока отец находился в заключении, в школе я никому ничего не рассказывал. Когда друзья или соседи спрашивали:

— Где твой папа?

Я отвечал: «В море». Этого оказывалось достаточно. Отец ведь действительно был моряком, и никого не удивляло его долгое отсутствие. Я же не хотел объяснять то, о чём трудно было говорить даже самому себе.

Вернулся он примерно через три с половиной года. Насколько помню, по амнистии его освободили на год раньше назначенного срока. Мы, конечно, радовались. Но я сразу почувствовал: передо мной человек, которого тяжёлые годы сильно изменили.

Здоровье было уже не прежним, исчезла былая уверен-

ность. Отец понимал, что карьера на больших океанских судах, скорее всего, закончилась. Дорога в заграничное плавание для него оказалась закрыта.

Он всё же не ушёл из профессии. Стал работать на небольших рыболовных судах Чёрного моря. Одно из них я помню как ПТС-201. Там ловили хамсу. Когда отец возвращался с промысла, дома появлялась большая ёмкость с рыбой. Я набирал хамсу в миску и бегал по соседям — раздавал. Вскоре из разных квартир тянуло жареной рыбой. Этот простой домашний обычай почему-то помнится особенно тепло: отец вернулся из моря, и его улов доставался всем.

Прошли годы, и история отца неожиданно коснулась уже моей судьбы. В Новороссийске, когда я оформлял документы для заграничного плавания, обнаружилась его судимость. Мы с мамой решили не упоминать её, но сведения всё равно нашли. Меня вызвали для разговора. Я хорошо учился, был отличником, и человек, занимавшийся оформлением, дал мне возможность продолжить путь. Документы удалось получить; дорога в море для меня осталась открытой.

А много позже, когда я работал в голландской компании, за одним столом со мной оказался пожилой старший механик. Разговор зашёл о спасательных операциях. Он вспомнил, как ещё молодым мотористом помогал аварийному траулеру: суда пытались завести подкильные концы и удержать его на плаву, но спасти корпус не удалось. Зато всех людей сняли.

Я стал расспрашивать, где это было, в каком году, что за судно. С каждой подробностью крепло удивительное чувство узнавания. Постепенно выяснилось: передо мной сидел участник той самой операции, во время которой спасали экипаж «Кобулети». Прошло столько лет, я сам прожил большую часть жизни в море, а эта ночь снова оказалась рядом — теперь в рассказе незнакомого прежде человека.

Отцовская судьба научила меня многому ещё до того, как я смог это осознать. Он привёл меня к морю, хотя оно обошлось с ним жестоко. Мама помогла семье пройти через годы разлуки и потом поддержала мой собственный выбор. И когда я вспоминаю ту историю, первым приходит на ум даже не гибель траулера. Я вижу мальчишку у поезда — он кричит отцу одно английское слово в надежде, что тот услышит. С тех пор прошло больше полувека. А этот голос всё ещё со мной.

Сухуми. Первый настоящий корабль

То, что я пойду в море, я для себя решил ещё примерно в шестом классе. Но одно дело — решение мальчишки, выросшего у моря, и совсем другое — возможность пожить на настоящем судне. Когда выпало провести каникулы с отцом в Сухуми, я согласился сразу. Мама быстро собрала меня: лето, море — много вещей не требовалось. От Батуми до Сухуми тогда ходила «Комета» на подводных крыльях. Около трёх часов — и я был на месте.

Отец встретил меня и сразу привёл на судоремонтный завод. Его судно, ПТС-201, стояло на стапелях. Небольшое производственно-транспортное рыболовное судно могло работать с тралом и перевозить уже замороженную продукцию. Шёл плановый ремонт: чистили корпус, варили палубные конструкции, что-то меняли, что-то восстанавливали. Для меня всё это было новым миром. Жили мы прямо на борту. Отец, насколько помню, разместился в капитанской каюте, а мне выделили другую — кажется, каюту старшего механика. Я навёл там порядок, нашёл постельное бельё, разложил вещи. Впервые я не пришёл на корабль на экскурсию, а действительно жил на нём. Утром просыпался — и вокруг металл, запах краски, голоса рабочих, стук инструмента.

Каждый день приходили бригады сварщиков и корпусников. Работали они быстро и уверенно. За несколько дней

огромный объём работы становился заметен: очищенный корпус, свежая краска, заменённые участки металла. Я познакомился со многими рабочими и впервые увидел, сколько труда скрывается за внешне простым словом «ремонт».

Особым удовольствием было подняться на мостик. Судно маленькое, поэтому всё казалось почти миниатюрным: штурвал, гирокомпас, магнитный компас, приборы. Но для меня это был настоящий капитанский мостик. Можно было встать за штурвал и хотя бы на минуту представить, что судно уже в море и ты отвечаешь за его курс.

Без дела отец меня не оставлял. Он коротко объяснял, что надо сделать, — и дальше я работал. Он вообще был немногословным человеком. Не садился напротив со словами «Сейчас я тебя научу жизни». Он показывал на своём примере: как работать, как относиться к делу, как отвечать за то, что тебе поручено. Многое из того, что я потом считал собственным характером, наверное, начиналось именно с таких его уроков.

В Сухуми я прожил с ним около полутора месяцев. Время летело быстро. Вечерами выходил в город. Однажды купил билет в цирк. Отец идти не захотел, и я пошёл один. Часто ходил на пляж прямо напротив судоремонтного завода. Там собиралась компания местных ребят, в основном русских. Познакомились, стали проводить время вместе.

Среди них была девчонка — дерзкая, самостоятельная, с характером. На пляже были пирсы, уходившие в море, высо-

той, наверное, больше трёх метров. Плавал я уже уверенно, но прыгал в воду только ногами — «солдатиком». И вот эта девчонка вышла на край пирса и красиво, совершенно спокойно прыгнула головой, почти ласточкой. Мне стало стыдно за собственный страх. Я долго уговаривал себя и наконец тоже прыгнул головой. Никто вокруг даже не понял, что для меня это был первый такой прыжок. А я запомнил его на всю жизнь. Иногда человеку нужен совсем небольшой толчок, чтобы переступить через собственную границу.

Ещё одна сухумская история началась совсем неожиданно. Однажды отец появился, а из его рук торчали две птичьи лапы. «На, держи», — сказал он. Я посмотрел: волнистый попугай. Как он сумел его поймать, до сих пор не понимаю — птица быстрая, живая. Но так у меня появился Сёма.

Попугай оказался красивым, тёмно-синим, с редким окрасом. Я быстро разобрался, чем его кормить, нашёл пшено, которое он особенно любил. Первое время Сёма просто летал по моей каюте. Когда подошло время возвращаться в Батуми — школа уже ждала, а отец оставался заканчивать ремонт, — пришлось придумывать транспорт. Я взял строительную каску, посадил туда попугая, сверху закрыл рыбацкой сеткой, чтобы была вентиляция. В такой самодельной клетке он выдержал три часа на «Комете».

Маму я предупредил, что возвращаюсь не один. Она нашла у соседки клетку: её попугай к тому времени погиб, и клетка стояла пустой. Меня встретили уже с готовым жильём

для Сёмы. Позже сестра даже возила его на выставку попугаев, где он, насколько помню, занял третье место — действительно был очень красивый и ухоженный.

Главная проблема у Сёмы была одна — Барсик. Кот никак не соглашался признать попугая другом семьи и смотрел на него исключительно с гастрономическим интересом. А однажды мы пришли домой: клетка открыта, окно открыто, попугая нет. Барсик смотрит на нас с таким выражением, будто говорит: «Это не я». Я решил для себя, что Сёма улетел. Хотелось верить именно в эту версию. В Батуми зимы мягкие, обычно около плюс десяти, мороз и снег редкость. Я надеялся, что он где-нибудь выжил.

Ремонт ПТС-201 продолжался ещё долго — как минимум столько, сколько я успел прожить в Сухуми. Потом судно спустили на воду, отец своим ходом привёл его обратно в Батуми и продолжил работать. Часто они ходили к острову Змеиному, в районе Одессы, когда начиналась путина и туда подходила рыба. Я спрашивал:

— Куда идёте?, — и часто слышал один ответ: «На Змеиный».

После Сухуми моё решение стать моряком уже трудно было назвать детской фантазией. Я увидел корабль снизу, со стапелей, рядом со сварщиками и корпусниками, пожил в каюте, выполнял порученную работу, стоял на мостике. Море перестало быть только горизонтом перед Батуми. У него появились металл, краска, ремонт, ответственность и отцов-

ский пример. И всё это почему-то не уменьшило романтику. Наоборот — сделало её настоящей.

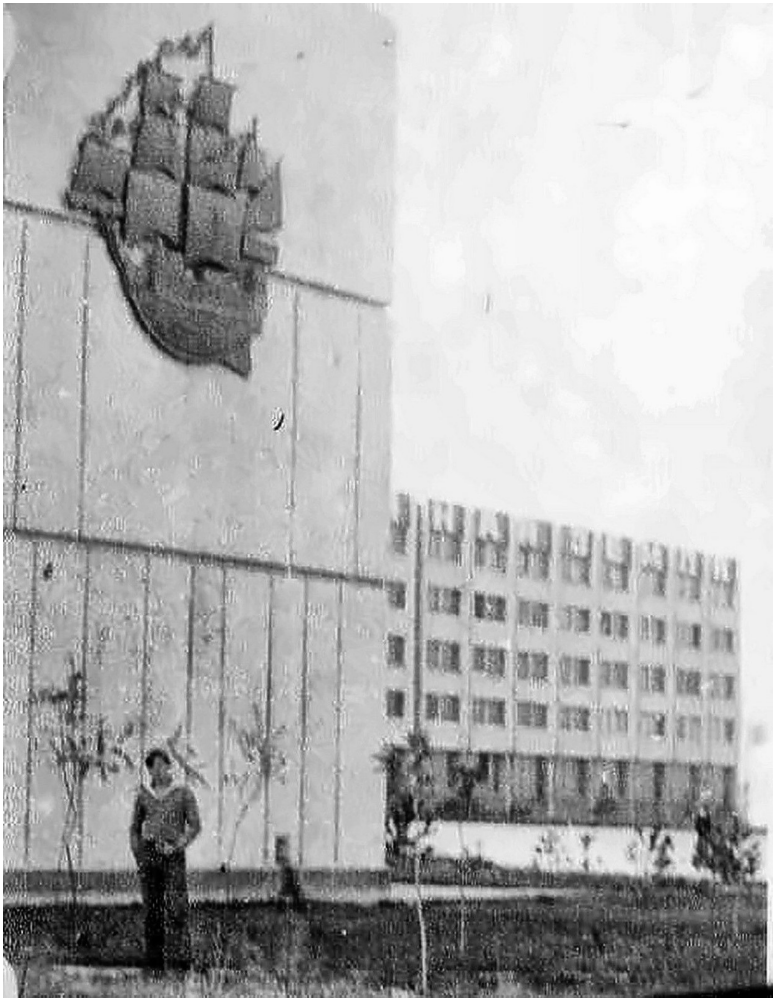
Часть II. Новороссийск

Вынос знамени на плацу училища.

Торжественное построение. Вынос флагов.

Курсант у здания училища. На стене — парусник.

Курсанты в аудитории.

Фонтан у училища.

Поступление и «плафоны»

Один из корпусов НВИМУ.

В 1982 году училище ещё называлось НВИМУ — Новороссийское высшее инженерное морское училище. К тому времени я уже знал, что пойду в море. Оставалось решить, где учиться. Были Ленинград, Калининград, Новороссийск. Последний я прежде никогда не видел, зато наш сосед уже год учился там на механика и мог рассказать об училище не по буклету, а из собственной жизни. Я расспросил его, и вы-

бор постепенно определился.

Для мамы существовало ещё одно, вполне понятное соображение: из Батуми в Новороссийск было сравнительно легко добраться. «Комета» шла около одиннадцати часов, самолёт летел минут сорок пять. Аэропорт находился недалеко от училища. Тогда эта близость казалась нам простым удобством. Позже я по-настоящему оценил, что означала возможность быстро оказаться дома.

Мы приехали примерно за месяц до вступительных экзаменов и сняли комнату в квартире напротив училища. Я записался на подготовительные курсы по физике: в школе этот предмет преподавали слабее, чем хотелось бы, и пробелы я чувствовал. Мама на всякий случай нашла ещё и репетитора. Днём занятия, вечером задачи, снова физика. Математику я почти не повторял — в ней был уверен.

В тот год действовал эксперимент: на судоводительском и судомеханическом факультетах удачные результаты первых экзаменов могли освободить от остальных. Поначалу я присматривался к радиотехническому факультету. Думал по-мальчишески практично: радист нужен на судне, а на берегу человек, умеющий разбираться в аппаратуре, без работы не останется. Однако обстоятельства складывались в пользу судовождения. Экзамены я сдал хорошо, и судьба, казалось, сама повернула меня к капитанскому мостику. Но до мостика было ещё очень далеко.

До сих пор помню КПП № 2 и списки зачисленных. Сто-

ишь, глазами пробегаешь фамилии — и вдруг находишь свою. Несколько строк на бумаге, а за ними целая жизнь, которую пока невозможно представить. Мама радовалась, но вскоре ей пришлось возвращаться в Батуми, на работу. Она уже тогда нередко жаловалась на головную боль, на повышенное давление. Мы слышали эти жалобы, но не понимали, насколько серьёзными могут оказаться их причины. Наш первый официальный день в училище назначили на 1 сентября. До торжественного посвящения в курсанты дело ещё не дошло. Формально мы только начинали осваивать новую жизнь, но она сразу дала понять: прежние школьные порядки остались за воротами.

Курсантское построение на плацу училища.

Первым испытанием почему-то стала парикмахерская. Нас отправили туда почти всей компанией. В ближайшем салоне выстроилась внушительная очередь. Парикмахер, похоже, давно знал, чем заканчивается для новобранцев начало учебного года. Он работал уверенно, без лишних церемоний. В кресло садился обычный вчерашний школьник, выходил — почти наголо остриженный будущий курсант. Через некоторое время мы стали удивительно похожи друг на друга. Так появились «плафоны» — прозвище первокурсников, которое тогда никого не удивляло.

Объясняли стрижку гигиеной. Наверное, и в этом был смысл. Но существовала ещё одна практическая причина. На первый месяц объявлялся карантин: выходить в город без разрешения запрещалось. Курсанта, решившего нарушить режим, можно было узнать с первого взгляда — по отсутствию причёски. У новой стрижки, впрочем, имелись и достоинства: голову можно было вымыть чуть ли не одной водой. Шампунь казался излишней роскошью. Мы шутили над собой, но выбора ни у кого не было.

Условия оказались не совсем одинаковыми лишь у двух категорий новичков. Одни пришли прямо со школьной скамьи, другие успели отслужить в армии. Служивым разрешили оставить волосы. Они выглядели взрослее, увереннее держались и лучше представляли, что такое распорядок, наряд

и ответственность за других. На шесть учебных групп требовались старшины, их помощники, старшина роты и его помощник. На эти должности как раз хватило ребят после армии. Так бывшие солдаты стали нашими первыми наставниками по повседневной службе.

Они, конечно, пытались привить нам армейские привычки. Но одну вещь в училище пресекали решительно — дедовщину. За это я до сих пор благодарен начальнику курса Борису Николаевичу. Он не допускал, чтобы старшие унижали младших или чтобы служивые превращали свой опыт в право командовать без меры. Мы могли получать наряды, выслушивать замечания, уставать от строя и дисциплины, но унижение не считалось частью воспитания. За все годы мне не довелось увидеть в нашей роте той дедовщины, о которой рассказывали курсанты других училищ. И это было не случайностью, а позицией начальства.

Группы сформировали быстро. Я попал в шестую. Первая считалась чуть ли не элитной, в пятую старались собрать ребят с хорошим английским, а шестая вышла самой разной. Паша Елохин приехал из Алма-Аты и впервые увидел море уже в Новороссийске. Сергей Кудряшов был из Ставрополя, Олег Гаев — из Магнитогорска. Позже к нашей компании присоединился Дима Безруков. Первое размещение по кубрикам менялось, но в итоге рядом оказались люди, с которыми мы прошли все шесть лет училища. Тогда мы ещё не знали, что случайное соседство станет долгой дружбой.

Местные поначалу держались особняком и называли приезжих «бодычи». Якобы так коренные жители курортных городов называли тех, кто приезжал на отдых или лечение. Потом это быстро забылось. В общем кубрике было трудно долго делить людей на своих и чужих по месту рождения. Гораздо быстрее выяснялось другое: кто умеет помочь, кто держит слово и на кого можно рассчитывать.

Форму выдали сразу, целым комплектом. Бушлат, зимняя шинель, летние и тёплые фланелевки — для нас, вчерашних школьников, это было почти богатство. Выглядела она красиво. И сейчас, рассматривая старые фотографии, я ловлю себя на том же чувстве: как же здорово мы тогда смотрелись. Правда, за парадным видом скрывался ежедневный труд. Вещи надо было чистить, складывать, подшивать, а брюки — гладить так, чтобы стрелки держались безупречно. При заступлении в наряд состояние формы проверяли особенно строго.

Многие из нас впервые всерьёз взяли в руки утюг. У служивых были свои секреты: они умели навести стрелку быстро, без суеты, и охотно показывали приёмы тем, кто хотел научиться. Но встречались и те, кто предпочитал найти человека, который сделает всё за него.

В нашей группе был один такой парень. В школе, насколько я помню, он считался отличником, а здесь растерялся. Учёба шла уже не так гладко, как прежде, а повседневный быт оказался настоящим препятствием. Он просил меня по-

гладить ему брюки, навести стрелки. Я показал один раз и предупредил: «Научить могу, но постоянно делать это за тебя не стану». Потом он стал просить других ребят. Наверное, для него самой трудной дисциплиной училища была вовсе не высшая математика, а самостоятельность. Примерно через месяц приехали его родители. К тому времени уже готовились документы на отчисление. Я видел, как он бросился к матери, словно за этот месяц успел соскучиться на целую жизнь. Отец стоял рядом молча, почти без выражения на лице. Мне тогда показалось, что именно он надеялся: училище приучит сына к самостоятельности. Возможно, я ошибался — чужую семью по одной встрече не узнаешь. Но одного месяца парню не хватило, чтобы освоиться. Он уехал, и больше я его не видел.

Мы же оставались и постепенно привыкали к тому, что никто не погладит за тебя форму, не уберёт рундук и не разбудит ласковым голосом. Каждый проходил эту школу по-своему. Кто-то сразу, кто-то с упрямством и ошибками. И уже тогда становилось видно, как различаются люди, которые всего несколько недель назад были просто ровесниками.

В сентябре и октябре к новой жизни прибавилась ещё одна, неожиданная для будущих моряков работа — уборка винограда. Виноградники окружали нас, урожай поспевал быстро, и по утрам нас возили помогать. Занятия и училищный распорядок шли своим чередом, а мы ещё успевали собирать гроздья. Позже я понял, что сельскохозяйственные

выезды были тогда обычной практикой и для студентов, и для курсантов.

Сбор винограда.

Там я впервые узнал разницу между техническими и столовыми сортами. Основным сортом, насколько помню, была

«Изабелла». Стоило, однако, кому-нибудь обнаружить куст сладкого столового винограда, как рядом немедленно собирались желающие попробовать. Срезанные гроздья складывали в плетёные корзины, затем высыпали в общую ёмкость. Существовал план, а за хорошую выработку можно было рассчитывать на поощрение.

Наш Сулейманов изобрёл собственный способ стать передовиком. Он укладывал на дно корзины ветки, сверху — несколько гроздей и бежал сдавать «полную». По количеству ходок он опережал многих. Конечно, такие хитрости были частью курсантского юмора. Винограда же мы за эти недели наелись столько, что по вечерам очередь в туалет становилась едва ли не продолжением уборочной кампании.

После виноградников нас ждали подъёмы в половине седьмого, построения и пробежки. Старшины требовали, чтобы мы успели вскочить, одеться и заправить койку буквально за время, пока горит спичка. Утренний круг составлял примерно полтора километра. По погоде бежали с голым торсом или в тельняшке. Находились ловкачи, которые прятались в кустах, пережидали основную группу и затем незаметно пристраивались к возвращавшемуся строю. Сейчас это вспоминается с улыбкой. Тогда же каждый новый день мог принести свой маленький урок находчивости.

Жили мы вполне удобно, хотя без излишеств. В кубрике стояли три кровати и три письменных стола. Вместо домашних шкафов — рундуки, где надо было уместить форму,

бельё и личные вещи. Для зимнего обмундирования существовала артельная. Постель меняли раз в неделю. По кубрикам назначали старших, по помещениям — уборку и наряды. На вечерней проверке объявляли взыскания. За нарушение можно было получить дополнительные наряды: старшина назначал два, командир роты — пять. Мне в основном удавалось этого избежать. Я старался без необходимости не испытывать терпение начальства.

Курсантская комната. Форма и личные вещи в шкафах.

Командиром роты был капитан третьего ранга Лешнёв, бывший подводник, служивший в Севастополе. Требовательный человек, но справедливый. Позже, примерно со второго курса, мы стали между собой называть его «папой». Не из фамильярности и уж точно не в насмешку. Просто понимали: строгий командир может по-настоящему заботиться о тех, за кого отвечает. Это мы особенно оценили в трудные минуты.

Начались лекции. После раннего подъёма полтора часа неподвижно сидеть за партой оказывалось непросто. На втором или третьем занятии хотелось есть, а иногда — просто закрыть глаза. В первые недели столовая тоже была непривычной: дома я не привык к перловке и пшённой каше. Но молодость и бег по утрам быстро сделали своё дело. Через какое-то время мы уже с удовольствием съедали всё, что давали.

Хуже всего был сон на лекциях. Начинаешь добросовестно записывать, а потом смотришь в тетрадь: сперва ровные строки, дальше буквы тянутся, ломаются и превращаются в непонятные знаки. Последние слова, оказывается, писал уже почти во сне. Приходилось брать конспекты у товарищей и восстанавливать пропущенное. Особое внимание уделяли истории КПСС и политической подготовке. Нас готовили к зарубежным рейсам, а в те годы считалось, что моряк дол-

жен быть надёжен не только профессионально, но и идеологически.

На химии особенно трудно было бороться с дремотой. Преподаватель говорил тихим, ровным голосом и за эту манеру получил у нас прозвище «Птица Феникс». Экзамен по химии я сдал, хотя в будущей судоводительской работе этот предмет потребовался мне куда меньше, чем многие другие.

Зато у нас была аудитория, в которую хотелось возвращаться даже после занятий, — окно собственного кубрика. Оттуда открывалась Новороссийская бухта: суда на рейде, движение к нефтяному терминалу Шесхарис, корабли, входившие в порт и выходившие в море. Сначала мы просто

Вид из окна кубрика на Новороссийскую бухту.

любовались видом. Потом стали узнавать типы судов, различать серии и со временем определять некоторые корабли по одному силуэту. Получалось, что море учило нас даже в те минуты, когда учебники были закрыты.

Красивый вид имел и обратную сторону. Окна смотрели прямо навстречу новороссийскому норд-осту — боре. Когда ветер разгуливался, триста-четыреста метров от экипажа до учебного корпуса превращались в настоящее испытание. Пригнувшись, идёшь против напора, а он будто удерживает тебя на месте. Занятия не отменялись, до столовой тоже

нужно было добраться. Иногда за молодыми лаборантками отправляли по два-три курсанта — помочь пройти открытый участок, где порывы могли сбить человека с ног.

За шесть лет я дважды видел, как бора расправлялась уже с судами. Корабли срывало с якорей и выбрасывало на мель у Новороссийской косы. Один из них — хорватский сухогруз, другой — учебно-производственное судно. Второе долго стояло на мели; мы наблюдали, как его пытались снять. После таких картин к ветру относишься серьёзнее, каким бы привычным ни было его название.

В непогоду училищный актовый зал становился настоящим спасением. Огромный, примерно на две тысячи мест, с мягкими креслами и хорошей сценой, он принимал кинопоказы, концерты и творческие встречи. Когда за стенами ревел нордост и выбираться в город не хотелось, даже старый советский фильм казался прекрасным способом провести вечер.

Особенно нравились мне встречи с артистами. Трижды, насколько помню, приезжал Николай Крючков, и ни одного его выступления я не пропустил. Он говорил спокойно, без дешёвых шуток, рассказывал о съёмках, о людях, с которыми работал, отвечал на вопросы. В огромном зале его слушали внимательно. Приезжала и Лариса Удовиченко. Её, кажется, удивило само зрелище: тысячи молодых курсантов, подтянутых, в форме, и весь зал смотрит на неё.

Но один концерт сохранился в памяти особенно отчётли-

во. Первого апреля к нам должен был приехать грузинский вокально-инструментальный ансамбль «Ия» — по-грузински «фиалка». Я сразу обратил внимание на афишу: земляки. Купил недорогой билет заранее и с удовольствием ждал вечера. Погода была сырая, апрель никак не решался стать весной.

Перед ужином на видном месте появилось объявление: будто бы из-за непогоды концерт переносится из училища во Дворец культуры моряков, в центр города. Написано аккуратно, официально, без намёка на шутку. Многие поверили и отправились через город, захватив билеты. Только потом выяснилось, что объявление придумали курсанты-радисты. Первое апреля они использовали по назначению.

Я остался. Музыканты приехали вовремя, привезли инструменты и начали готовиться к выступлению. А в зале — едва ли треть публики. Билеты раскуплены, артистов ждут, но значительная часть зрителей в это время ищет их в другом месте. Дежурные офицеры быстро разобрались и стали пропускать без билетов всех желающих. Зал постепенно заполнился.

На сцену вышли молодые ребята: насколько помню, девушка-вокалистка и трое парней. Сначала они пели современную грузинскую эстраду. Хорошо пели, от души, но курсанты встречали песни сдержанно: слова большинству были непонятны, мелодии незнакомы. Во втором отделении музыканты запели по-русски, исполнили популярные советские

шлягеры, в том числе песни «Синей птицы». Зал ожил, все стали подпевать, хлопать в такт. Казалось, лучше уже не будет.

А потом началось третье отделение. Музыканты вышли в совершенно другом виде — рокерские костюмы, иная манера держаться, другая музыка. Зазвучали композиции Deep Purple, Iron Maiden и других западных групп. Пели на английском, играли настолько уверенно, что трудно было поверить: это те самые ребята, которые полчаса назад выступали на грузинском. Теперь огромный курсантский зал буквально гудел. На шум сбегались даже те, кто вовсе не собирался на концерт.

Для меня их успех был особенной радостью: всё-таки земляки. И я не мог удержаться от улыбки, представляя тех, кто под дождём добирался до Дворца культуры моряков с настоящим билетом на настоящий концерт, но не туда, где он проходил. Прошли десятилетия, а я помню и ту музыку, и то, с какой свободой небольшая группа молодых артистов сумела завоевать огромный зал.

Так складывался наш первый год. Строй, лекции, кубрик, наряды, норд-ост за окнами, кино по выходным. Мы привыкали к училищу, а училище постепенно меняло нас. И в этой обычной жизни, где события сменяли друг друга без особой торжественности, подступали первые экзамены.

На курсе училось около ста семидесяти пяти человек. Физику преподавал Ярошевский, спокойный и интеллигентный

человек, математику — Сосновая. Благодаря школьной подготовке и маминым заботам я чувствовал себя в этих предметах уверенно. Мама работала главным архитектором города, тратила деньги и время на мою учёбу, находила преподавателей, помогала готовиться к поступлению. Я тогда воспринимал её усилия как естественную часть нашей жизни. О том, чего ей это стоило, начал думать гораздо позже.

Ярошевский устроил олимпиаду: троим лучшим обещал автоматическую пятёрку. Я как раз сменился с дежурства и больше всего хотел спать, но группе нужен был участник. Из пяти задач решил четыре, подробно расписав ход решения. Задачу о вечном двигателе оставил. На следующий день оказалось, что я занял третье место. Ярошевский отметил последовательность моих рассуждений и поставил пятёрку автоматом.

К сессии набралось три автомата. Оставалась высшая математика. Я попросил Сосновую разрешить сдать экзамен досрочно. Он оказался труднее, чем я рассчитывал, но я справился и смог приехать домой примерно на две недели раньше остальных. Мама радовалась моему приезду. Мне казалось, что так будет всегда: сдам экзамены, сяду на самолёт или «Комету», вернусь в Батуми, и она встретит меня дома.

Мамин карандаш

В училище я узнал, что у мамы случился инсульт. Командир роты отпустил меня домой на неделю. По дороге в Батуми я пытался представить, в каком состоянии её увижу. До того мама всегда была занята: работа, дом, наша учёба. Она жаловалась на давление, иногда на головные боли, но я тогда не думал, что болезнь может так внезапно изменить её жизнь. К моему приезду мама уже была дома. После инсульта у неё парализовало правую сторону. Она лежала, но, увидев меня, обрадовалась. Я это сразу понял по глазам. Говорить ей было трудно. Я садился рядом, слушал, старался разобрать слова и помочь, чем мог. В такие минуты быстро понимаешь, как мало умеешь, когда близкому человеку плохо.

Врачи говорили, что самое страшное позади, назначали лекарства и надеялись на восстановление. Мы тоже надеялись. Мама пыталась разговаривать, разрабатывала руку, пробовала подниматься. Она привыкла всё делать сама и не собиралась с этим расставаться.

До сих пор я помню тот жёлтый карандаш фирмы Koh-i- Noor, всегда аккуратно заточенный. Для мамы, главного архитектора города, он был обычным рабочим инструментом. Она всю жизнь чертила, рисовала, занималась проектами. После инсульта мама пыталась снова удержать карандаш

пальцами. То, что раньше занимало секунду, требовало усилий. Она пробовала ещё раз. Ей хотелось вернуть руке послушание.

Я смотрел на неё и понимал, как сильно она хочет вернуться к своей работе и к нам. Дома оставалась моя младшая сестра, на пять лет моложе меня. Мама привыкла заботиться обо всех, решать повседневные вопросы, помнить то, о чём остальные забывали. И теперь сама нуждалась в нашей помощи.

Ту неделю я почти не отходил от мамы. Мы радовались каждому признаку улучшения и верили, что постепенно она поправится. Раз она дома, раз старается говорить и держать карандаш, значит, надежда есть. Мне тогда казалось, что главное — пережить это первое трудное время.

Отец взял отпуск за свой счёт и, насколько я знаю, почти постоянно находился рядом с ней. Когда неделя закончилась, мне пришлось возвращаться в училище. Я уехал с надеждой, что дома всё будет понемногу налаживаться.

Примерно через три месяца случился второй инсульт. Его мама уже не перенесла.

Командир роты снова отпустил меня в Батуми — теперь на похороны. Когда я приехал, мамы уже не было. Шла подготовка к прощанию. Помню, как много тогда сделали соседи. Они собрались и сказали, что возьмут похороны на себя. Во дворе поставили большую палатку, наверное, человек на сто. Один из соседей отдал под кухню свой гараж. Там

готовили еду для людей, приезжавших проститься. Народу пришло очень много: родственники, мамины коллеги, друзья семьи, знакомые. Двое суток люди приходили, садились за столы, вспоминали маму. Родных приехало столько, что дома всех разместить было невозможно. Соседи предложили свои квартиры, помогли устроить гостей. Мои друзья тоже были рядом. Никто не говорил длинных речей. Люди просто делали то, что было нужно.

Тогда я увидел, сколько людей знали и уважали маму. В обычные дни об этом не задумываешься. А тут весь двор словно стал одним домом. Благодаря соседям мы смогли проститься с ней достойно.

Шёл июнь. Экзамены у меня уже были сданы, поэтому после похорон я остался в Батуми. Отец должен был возвращаться к работе. Сестра ещё ходила в школу, и мы не могли оставлять её одну. Когда отец уходил по делам, мы оставались вдвоём, занимались домом, учились обходиться без маминой помощи.

Оказалось, что многие привычные вещи вовсе не делаются сами собой. Просто мама всегда всё успевала. Пока она была рядом, я этого почти не замечал. Теперь приходилось думать о том, что купить, что приготовить, как устроить следующий день. Мы втроём привыкали к другой жизни. Когда позднее я вернулся в училище, там всё шло своим чередом. Утренняя поверка, занятия, наряды, разговоры в кубрике. Для товарищей это было продолжение обычной курсант-

ской жизни. Я тоже выполнял всё, что полагалось, но прежнего ощущения, что дома меня всегда ждёт мама, уже не было. Училищное расписание осталось тем же. Дома всё стало иначе.

Годы спустя я стал по-другому смотреть на знакомые здания в Батуми. Мамы уже не было, но её работа осталась в городе. Она была главным архитектором и участвовала в проектах, которые до сих пор служат людям.

Я точно знаю, что мама лично участвовала в проектировании Батумского цирка. Это красивое, необычное здание хорошо знают и сейчас горожане и гости Батуми. Там проходят представления, приезжают гастролирующие труппы. Он продолжает жить своей жизнью. Недавно мы ходили туда всей семьёй. Сыну очень понравилось. Он с интересом смотрел представление, а меня порадовало и само помещение — настоящий цирковой зал с хорошей акустикой. Я сидел и думал, что к созданию этого здания когда-то приложила руку моя мама. Для остальных это был просто вечер в цирке. Для меня — ещё и встреча с памятью о ней.

Ещё один её проект — спортивная школа, в которой я сам когда-то занимался. Помню это здание с детства. Тогда я воспринимал его как привычную часть города, как место, куда приходил на занятия. Лишь позднее по-настоящему понял, что за знакомыми стенами стояла мамина работа.

MAD
MOZART
CIRCUS

Батумский цирк.

Мама рассказывала и о том, как участвовала в реконструкции здания горисполкома. А кроме таких заметных объектов были жилые дома, городские кварталы, целые микрорайоны, спроектированные при её участии. В этих зданиях продолжается обычная жизнь: люди возвращаются домой, открывают окна, растят детей. Большинство из них даже не знает, кто когда-то сидел над чертежами.

Спортивная школа.

Я называю эти здания памятниками маме. Они не похожи на памятники в привычном смысле слова. На них нет рассказа о её жизни, зато в них остался её труд. Когда я приезжаю в Батуми и вижу знакомый цирк или спортивную школу, мне кажется, что часть мамы по-прежнему живёт в этом городе.

С тех пор прошло много лет. В памяти остались и люди, пришедшие проститься, и наша квартира, и первые недели без мамы. Но чаще всего я вспоминаю её после первого инсульта. Она радуется моему приезду, старается что-то сказать и снова берёт карандаш. Я тогда верил, что у неё получится.

Новороссийск. Фотоархив

Корпус Новороссийского высшего инженерного морского училища.

Первое море. «Профессор Миняев»

УПС «Профессор Миняев». Моё первое море, 1983 год.

На втором курсе общеобразовательных предметов становилось меньше, а морских — больше: навигация, астрономия, устройство и управление судном, радионавигационные приборы. Мы ждали практику на учебном паруснике, но попали на учебно-производственное грузовое судно «Профессор Миняев». Он был настоящим грузовым судном: большая надстройка, отдельные помещения для курсантов. Для заграничного рейса требовалась виза. Из примерно ста тридцати ребят визу не дали тридцати пяти, и они отправились на каботажную практику в Баку. Мне повезло — визу я получил.

Я тогда увлекался фотографией. Сам проявлял плёнку,

сам печатал снимки. Когда мы проходили Босфор, старался ничего не упустить. Чёрно-белые фотографии того первого прохода у меня сохранились до сих пор.

Почти сразу за Босфором начался серьёзный шторм. Эгейское море, затем Ионическое, дальше путь к Адриатике. Некоторые курсанты почти не поднимались с коек. Я тоже тяжело переносил качку и, признаться, за последующие десятилетия так до конца к ней и не привык. Из Одессы везли тюки хлопка. Сначала пришли в Сплит, затем в Риеку — это была ещё единая Югославия.

Первый выход на берег в Сплите едва не закончился у газетного киоска. Мы подолгу разглядывали иностранные журналы, которых дома не достать. Опытные моряки посмеивались: подождите, мол, пока доберётесь до Италии.

В Ливорно грузили цитрусовые. Там нам выдали часть заработанной валюты — по памяти, около пятидесяти долларов или чуть больше. В руках впервые оказались итальянские купюры, те самые «дечи мила лире». Купил кроссовки на распродаже, сестре — американские джинсы. Свои деньги, чужой город, самостоятельные покупки: для восемнадцатилетнего курсанта всё это было событием.

Но больше всего Ливорно запомнился футбольным матчем. Мы узнали, что будут играть советская и местная команды, и отправились на стадион. Особенным болельщиком я никогда не был, однако когда рядом столько курсантов, трудно остаться в стороне. Пришли с флагами, кричали, под-

держивали наших. Сначала дело шло скверно: советская команда проигрывала 0:2. После второго пропущенного мяча мы заголосили ещё сильнее. И вдруг игра переменилась: один гол, второй, третий. Наши выиграли 3:2. Потом мы всерьёз и в шутку уверяли друг друга, что не последнюю роль сыграла курсантская трибуна.

Со мной был фотоаппарат «Зенит-ЕТ». Плёнка была на вес золота: каждый кадр приходилось выбирать. Теперь, глядя на те снимки, я вспоминаю не только счёт. Вокруг была Италия, звучала чужая речь, на трибунах сидели обычные местные зрители, а мы впервые так близко увидели жизнь за пределами своего привычного мира.

На судне всё было куда прозаичнее. Четыре часа вахты, затем палубные работы: красить, помогать матросам, выполнять поручения. Нас учили управлять судном вручную. Автопилот отключали, я вставал за штурвал, рядом находился опытный матрос. Следишь за картушкой компаса, вовремя перекладываешь руль и стараешься удержать курс. Для меня тогда не было занятия важнее.

Иногда я попадал на камбуз. Буфетчица — красивая, элегантная женщина, прежде работавшая на пассажирских судах, — относилась ко мне почти по-матерински. Звала помочь: почистить картошку, что-нибудь подготовить.

По вечерам мы засматривались иностранными телепередачами. Могли просидеть до поздней ночи, хотя утром никто не отменял ни вахту, ни работу.

Рейс продолжался примерно полтора месяца. В Одессу вернулись с апельсинами и мандаринами и с первыми справками о плавательном стаже. Для получения диплома за шесть лет нужно было набрать двенадцать месяцев плавания. Первые месяцы уже были за плечами.

Но дело было не только в справках. До той практики море во многом оставалось для меня частью отцовских рассказов. Теперь я сам знал, каково стоять у штурвала, переносить качку, выходить в незнакомом порту на берег и снова возвращаться к судовой работе. Это было моё первое море.

Учёба, город и самостоятельность

После практики мы снова вернулись в аудитории. В лабораториях стояли действующие, хотя уже и не новые радиолокаторы. Хорошо помню «Дон», названия остальных со временем стёрлись. Навигация требовала всё больше математики: прокладка, расчёты движения судна, теория управления. Мне эти занятия были по душе. Я часто ходил в библиотеку, читал газеты, журналы, книги о мореплавателях. Особенно запомнилась судьба Анны Щетининой, женщиныкапитана. Её история заставляла иначе смотреть на привычные представления о нашей профессии.

Новороссийск был городом курсантов. Наше училище занимало в нём заметное место, вокруг было много молодых ребят в форме. Девушки учились в медицинском и педагогическом училищах, были и техникумы. Но в первые годы меня гораздо сильнее занимало море, чем городская жизнь.

Иногда я заходил к знакомой девушке, которая жила напротив училища. Её родители сдавали нам квартиру, когда мы жили в Новороссийске перед поступлением. Мы пили чай, играли в карты, разговаривали. Хозяйка квартиры, как мне казалось, надеялась на продолжение нашего знакомства. Я же просто приходил в гости и возвращался к себе.

Там же, напротив училища, стояли пивные автоматы. Двадцать копеек — кружка пива. Мы называли автоматы «же-

лезными братьями». Патрули, конечно, прекрасно знали, где курсанты пытаются задержаться после отбоя. За выпивку можно было заработать наряд, а за серьёзное нарушение — и лишиться места в училище. Пиво я попробовал, но так и не полюбил. Сладкие напитки нравились больше. Отец часто находился в море. Писал мне и каждый месяц присылал деньги. Училище обеспечивало формой, жильём и питанием; за хорошую учёбу полагалась повышенная стипендия. Я открыл сберегательный счёт и большую часть отцовских денег откладывал. Сколько накопилось, ему не говорил.

Позже у меня появился программируемый калькулятор. Я освоил BASIC и научился составлять программы для навигационных расчётов. Во время сессий в училище приезжали заочники — действующие моряки, которым нужно было высшее образование. Сложные расчёты у них не всегда получались. Я помогал с заданиями, они платили за эту работу. За несколько лет так помог троим подготовить дипломные расчёты. Заработанное тоже относил на сберкнижку.

Так постепенно у меня появились собственные деньги. Можно было купить одежду, билет, съездить домой и не просить у отца дополнительно. Для курсанта это много значило. Я впервые увидел, что знания могут пригодиться не только на экзамене, но и в жизни.

Сам Новороссийск тоже многому учил. После зелёного Батуми он казался суровым: порт, бетон причалов, тяжёлая работа, ветер. Когда налетал норд-ост, город менялся за счи-

таные часы. Здесь море не выглядело только красивой полосой за набережной — с ним приходилось считаться.

Из всех предметов мне особенно нравился английский. Большую роль в этом сыграла преподаватель Наталья Петрова.

Она была, можно сказать, настоящей морячкой. Её муж работал капитаном. Сын окончил наше морское училище и стал радистом. Наталья Петрова посвятила флоту всю жизнь и знала морскую работу не понаслышке.

Результат её работы тоже был показателен. Насколько помню, в нашей группе двенадцать человек сдавали диплом на английском языке. Это было удивительно: в другой группе, которая изначально готовилась как спецшкола английского, разрешение защищать диплом на английском получили всего пятеро. А у нас таких было двенадцать. Позднее язык не раз выручал меня в рейсах с греческими капитанами, филиппинскими помощниками и моряками из других стран.

Конечно, были и пятничные танцы, знакомства, ссоры, первая крепкая дружба, экзамены. Тогда всё казалось очень важным. Теперь вспоминаешь эти годы — и прежде всего видишь людей, с которыми рос и учился.

Курсантский фольклор

Курсантские прозвища запомнились точно: в нескольких шутливых словах помещалось всё наше взросление — от вчерашних школьников до людей, которых уже ждали настоящие суда.

У нас в училище существовал свой курсантский фольклор. Первый курс — «без вины виноватые», второй — «ни рыба ни мясо», третий — «весёлые ребята», четвёртый — «женихи», пятый — «верните детям папу», а шестой — «их знали только в лицо». Последнее особенно точно передавало нашу жизнь: к шестому курсу мы столько времени проводили на практиках и в море, что в училище появлялись уже нечасто. А слово «КУРСАНТ» мы расшифровывали так: К — Колоссальная, У — Универсальная, Р — Рабочая, С — Сила, А — Абсолютно, Н — Не желающая, Т — Трудиться. «Что за сборище уродов? Это рота судоводов». «У кого во лбу прореха — тот идёт на судомеха». Радистов мы просто называли «дятлами».

Экзамен, супергетеродин и навигация

Занятие в аудитории НВИМУ.

Экзаменационная сессия жила по своим правилам. За стенами училища продолжались танцы, встречи и обычная городская жизнь, а мы на несколько дней оставались один на один с конспектами и билетами. Я старался сдать экзамены как можно раньше, чтобы потом спокойно распоряжаться свободным временем.

Однажды мне достался билет, в котором третьим вопро-

сом был супергетеродин. Первые два вопроса я быстро расписал. Рассчитывал на четвёрку и уже собирался отвечать, когда старшина группы сунул мне «медведя» — так у нас называли шпаргалку с готовыми ответами. Мне она была не нужна.

Но преподавательница увидела бумажку именно у меня. Она забрала «медведя» и сказала:

— Идём ко мне, будешь отвечать.

Первые два вопроса она почти не слушала. Сразу перешла к супергетеродину, где я чувствовал себя не так уверенно, и стала спрашивать подробно. Кончилось всё двойкой — первой и единственной за шесть лет учёбы. Стипендия и отпуск теперь оказывались под вопросом.

Пересдачу назначили раньше обычного. Я ещё раз просмотрел конспекты, разобрал слабое место и пришёл подготовленным. Вытянул хороший билет и попросил разрешения отвечать сразу, без времени на подготовку. Ответил на все вопросы.

Тогда преподавательница открыла нижний ящик стола, достала тот самый листок и сказала:

— Ты понимаешь, что тогда я не могла поступить иначе.

Потом добавила: «Больше четвёрки поставить не могу».

Я и не спорил. После той двойки четвёрка была для меня вполне достойным итогом. А историю с «медведем» запомнил на всю жизнь: чужая шпаргалка обошлась мне дороже, чем собственная ошибка в ответе.

Навигация и четвёртый курс На четвёртом курсе мы уже перестали смотреть на профессию только через парадную форму и красивый мостик. За плечами были первые практики, и стало понятно, сколько за всем этим стоит расчётов, вахт и обычной судовой работы. Теория постепенно соединялась с тем, что мы успели увидеть в море.

Четыре лычки на рукаве добавляли уверенности. Мы считали себя почти старшими курсантами, чаще ходили на танцы, знакомились с девушками. Но и учёба становилась серьёзнее.

Навигацию вёл начальник кафедры судовождения. Ответов «на глаз» он не принимал. Требовал точных расчётов: ветра, движения судна, векторов. Курс и место судна нельзя было определять догадками.

Молодой начальник кафедры уже защитил диссертацию. Но мне казалось, что сам он в море не ходил: ни одного случая из собственной практики я от него не слышал. Навигация у него сводилась к формулам и вычислениям. Расчёты необходимы, спору нет, однако за ними мне хотелось видеть настоящее море. Порой эта принципиальность доходила до абсурда. Особенно доставалось заочникам. Многие уже были капитанами: пришли за высшим образованием, имея за плечами годы плавания. Он задавал один вопрос за другим, пока человек не начинал путаться. Уступок он не делал. Однажды после такой сессии он появился с фингалом под глазом. По училищу прошёл слух, будто один из заочников не

выдержал и ударил его. Правда ли это, не знаю. Но тогда нам нетрудно было представить такую сцену.

На нашем курсе навигацию сначала не сдали около сорока человек. После двух-трёх попыток двадцать получили тройки, а двадцать остальных отчислили из училища. Многие ушли в армию. Я получил четвёрку. У другого преподавателя, возможно, расстроился бы. У него такая четвёрка дорогого стоила.

Три дня норд-оста

На четвёртом курсе, в феврале, Новороссийск ждал особенно сильного норд-оста. Прогноз был такой, что в училище впервые объявили: курсанты, которым есть куда уехать, могут пока оставаться дома. Из нашего экипажа — примерно ста пятидесяти человек — осталось около двадцати. Остальным было где переждать непогоду. Нам, приезжим, деваться было некуда.

В кубрике мы остались вдвоём с Пашей. Сергей к тому времени уже женился и был с семьёй. Мы собрали всё тёплое, что нашлось: шинели, свою и чужую одежду. Обложили кровати, завесили окна. Сначала ещё надеялись, что всё ограничится одним днём. Но ветер только набирал силу.

В первый же день скорость ветра доходила примерно до 25–30 метров в секунду, то есть почти до пятидесяти узлов. Похолодало. Новороссийск считался южным городом, но во время боры это мало что значило. Сначала в кубрике было тепло. Потом за ночь, по-видимому, перемёрзли трубы, батареи остыли. Следом пропало электричество. Мы натягивали на себя всё, что могли, и старались не выпускать тепло. Уже тогда стало понятно: переждать ветер будет сложнее, чем представлялось накануне.

Здание училища зимой.

На второй день наши небольшие запасы еды закончились. Решили с Пашей идти в столовую. Главную дверь общежития открыть не сумели: ветер прижимал её с такой силой, что она не поддавалась. Пришлось спускаться через подвал и искать запасной выход. Расстояние до столовой было знакомое, но против норд-оста оно показалось совсем другим. В столовой нас встретили две женщины-повара в тёплых тулупах. Они только развели руками: горячего не будет. Выдали сухой паёк — две замёрзшие булки хлеба. Хорошо ещё, что неподалёку работало маленькое курсантское кафе. Мы удивились уже самому факту, что оно открыто.

Против норд-оста.

В кафе продавали варенец в стеклянных банках. В обычный день вряд ли мы обратили бы на него такое внимание, а тут обрадовались. Купили штук десять и отправились обратно. Теперь ветер бил нам в спину, и мы почти бежали. Паша споткнулся — две банки разбились. Стекло рассыпалось, а варенец остался стоять на асфальте целым замёрзшим куском. Посмотрели на него и рассмеялись: даже разбить толком не удалось.

В кубрике Паша решил согреть следующую банку собственным телом. Прижал её к себе, укутался одеялами. Прошло некоторое время, и он объявил, что варенец не нагревается, а, наоборот, вытягивает из него последнее тепло. От

этой затеи пришлось отказаться.

Потом мы почувствовали запах гари. В умывальной ребята сломали два-три стула и развели маленький костёр прямо на металлическом полу. Не ради веселья: воды не было, а лёд надо было растапливать. Нашли чайник, соорудили треногу. На пять-шесть человек приходился один чайник, поэтому горячую воду ждали по очереди. Чая хватало. Так и питались: замёрзший хлеб да кружка горячего чая.

Странно, но трагедией нам это не казалось. Нам было около двадцати, рядом оставались свои ребята. Мы ходили вместе в горы, привыкли обходиться малым и выручать друг друга. Конечно, без отопления, света и воды было тяжело, но паники не возникало. Потом командиры не стали выяснять, куда делись стулья. Мы всё за собой убрали; от нашего импровизированного очага не осталось следов. Не хватало только пары стульев.

А снаружи Новороссийск покрывался льдом. Волны переливались через набережную, вода на морозе быстро схватывалась. Улицы становились похожи на каток. Норд-ост обычно держится около трёх суток. Сам ветер наконец стих, выглянуло солнце, но на этом наши приключения не закончились.

Пришли сантехники запускать отопление. Оказалось, что замёрзшие трубы местами лопнули. Когда подали воду, она хлынула по этажу; всюду стоял пар. Только что мы мёрзли — и вдруг несколько часов жили будто в густом тумане. Трубо-

провод пришлось серьёзно ремонтировать.

Позже, уже в море, я не раз вспоминал эти три дня. В училище нас учили искать решение по инструкции. А там, в холодном кубрике, инструкции на все случаи не было. Были двадцать курсантов, замёрзшие банки варенца, чайник на самодельной треноге и необходимость как-то прожить ещё один день. Мы тогда справились — вместе. Эта простая привычка не теряться, когда всё идёт не по плану, потом очень пригодилась мне на судах.

Досуг. Друзья, танцы и история перед армией Училищная дружба складывалась быстро. Мы жили рядом, вместе поднимались, шли на занятия, стояли в нарядах, уходили в практику. В такой жизни долго притворяться трудно: довольно скоро становилось понятно, на кого можно положиться.

С Сергеем мы делили кубрик и были близкими друзьями. Но к отношениям с девушками относились по-разному. Серёга уже тогда, как мне казалось, всерьёз думал о семье. Ему нравился Новороссийск, и он хотел остаться здесь. Так впоследствии и вышло.

Я присутствовал при его знакомстве с девушкой из музыкального училища. Потом они стали встречаться, на четвёртом курсе поженились. На их свадьбе я был свидетелем, а когда родился ребёнок, мне доверили его крестить. Так обычная курсантская дружба постепенно превратилась в семейную.

У меня планы были другие. Я собирался после выпуска

вернуться в Батуми. Поэтому не хотел заводить в Новороссийске отношения, которые потом пришлось бы обрывать или просить девушку переехать со мной в другой город, в другую республику. Казалось, что семью я создам уже дома.

А пока шла обычная курсантская жизнь. По пятницам — танцы, которые теперь назвали бы дискотеками. Кафе, прогулки, новые знакомства. Со временем в городе я знал многих, и меня тоже узнавали. Ничего особенного не планировал: провести вечер, потанцевать, поговорить с кем-нибудь.

Однажды на танцах я познакомился с симпатичной девушкой. Русская, из Риги. Она недавно приехала в Новороссийск вместе с матерью и в тот вечер пришла одна. Разговорились, танцевали. Было похоже, что симпатия взаимная.

Но тут к нам подошёл местный парень. Без долгих предисловий он заявил, что девушка ему понравилась и мне лучше отойти в сторону. Я отказался. Слово за слово — дело дошло до драки. Их оказалось шестеро, я был один. Девушку, к счастью, никто не тронул, а мне достался хороший фингал под глазом.

В училище ребята сразу заметили, в каком виде я вернулся. Пришлось рассказать. Для нашей компании всё выглядело просто: шестеро избили одного из своих — нельзя делать вид, что ничего не случилось. Решили в следующую пятницу снова прийти в тот клуб, теперь уже вместе. Нас тоже собралось шестеро.

Ходили по залу, высматривали того парня и его приятеля

лей. Но ни одного из них не нашли. Наконец кто-то из местных объяснил: главный зачинщик ушёл в армию. Оказывается, в прошлую пятницу у него был один из последних вечеров перед отправкой на службу. Хотел погулять, познакомиться с девушкой — и выбрал для этого самый неудачный способ.

На этом наша затея и закончилась. Мы пришли разобраться, а оказалось — не с кем. Сейчас вспоминаю и улыбаюсь. Тогда всё было серьёзно: честь, друзья, обида, которую надо непременно разрешить. В двадцать лет такие вещи кажутся огромными. А спустя годы помнится не столько драка, сколько весь тот вечер: танцы, девушка из Риги, мой фингал и товарищи, которые через неделю без лишних разговоров пошли вместе со мной. Даже тот парень, с которым мы так и не встретились, запомнился — к тому времени он уже ехал начинать совсем другую, армейскую жизнь.

Таня и экзамен у начальника училища

С Таней я познакомился на одном из вечеров, которые довольно часто устраивали в нашем морском училище. Она пришла с подружкой, я был с Пашей. Девчонки оказались весёлыми, но в то же время скромными. В тот вечер мы разговорились и потом стали встречаться вчетвером.

У нас с Пашей свободное время обычно совпадало. Договаривались с девчонками, гуляли по паркам, ходили в кино, иногда в театр. Они учились в педагогическом училище, куда принимали после восьмого класса. По возрасту были заметно моложе нас. Сначала даже казалось, что общих интересов у нас не найдётся. Но разговоры как-то складывались сами собой. Да и выбор мест для досуга в Новороссийске тогда был небольшой. Однажды ко мне зашёл Юра. Он учился на радиофакультете, жил в соседнем экипаже и часто забегал поболтать за чашкой чая. На этот раз явился с неожиданной новостью:

— Слушай, тут один парень из моей группы хочет с тобой разобраться.

Я стал вспоминать, где мог с кем-то повздорить. Ничего в голову не приходило.

— А что случилось-то? — спросил я. — Говорит, ты у него девушку отбил.

Тут я сразу подумал о Тане. Но ни о каком соперничестве я не подозревал и потому не понимал, откуда у человека такая решимость выяснять со мной отношения. Эта история так ничем и не закончилась. Позже я узнал об одной детали, после которой ещё больше задумался, что же тогда двигало этим парнем.

Примерно через месяц или полтора после знакомства Таня пригласила меня к себе домой. Жила она вдвоём с матерью. Мама оказалась очень общительной, весёлой женщиной. Она приехала в Новороссийск из Владивостока, а это тоже морской город. В молодости у неё было немало знакомых среди курсантов местного мореходного училища, и моя форма всякий раз вызывала у неё воспоминания о тех годах. Мы подолгу разговаривали. Она рассказывала о своём студенчестве, о знакомых моряках, а я — о нашей курсантской жизни, занятиях и практиках. Выяснялось, что за прошедшие годы многое изменилось, но кое-что оставалось удивительно похожим. Вечера у них дома проходили легко, без всякой официальности. Таня хорошо играла на рояле. Иногда мы слушали её, а потом снова садились за чай со сладостями и продолжали разговор.

И как-то между делом я узнал, что Танина мама — второй секретарь Новороссийского горкома партии. В те времена это была очень высокая должность. В городе её знали и уважали, а кто-то, наверное, и побаивался. Дома же передо мной была та же приветливая женщина, с которой мы го-

ворили о Владивостоке, море и курсантских годах. Тогда я невольно вспомнил Юрин рассказ о парне, который собирался со мной разбираться. Была ли между этими обстоятельствами какая-то связь, я не знаю.

На четвёртом курсе у нас подошёл экзамен по автоматическим системам судовождения. Предмет вёл сам начальник училища Меньшов. В те дни в училище работала комиссия. Нас, конечно, предупредили: порядок должен быть образцовый, никаких лишних приключений. Перед экзаменом я решил ещё раз позаниматься в библиотеке. Не дойдя до входа буквально нескольких шагов, я увидел идущую навстречу большую группу: офицеры, гражданские, руководство училища. Я собирался пройти мимо, но вдруг услышал:

— Саша! Оборачиваюсь — Танина мама. Я подошёл, поздоровался. Она сказала, что весь день ищет меня по аудиториям. Я объяснил, что готовлюсь: завтра экзамен у начальника училища. Меньшов был тут же, среди сопровождавших комиссию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.